

**Михаил
Харитонов**
Писатель-фантаст

Не помню, кто из великих — наверное, всё-таки Шопенгауэр — противопоставлял волю и представление. Что он там имел в виду, вопрос отдельный и интересный, но вообще-то противопоставление правильное. Во всяком случае, в житейском плане оно работает. Ибо люди представления, то бишь мечтатели и фантазёры, обычно имеют большие проблемы с волей, потребной для реализации грёз. И наоборот — практические деятели обычно страдают роковым недостатком воображения. По идее, это должно их сближать — мечтатели и деятели нуждаются друг в друге. На практике же обычно выходит так, что Манилов и Обломов тихо угасают на продавленных диванах, а деловитые Чичиковы и Штольцы пропадают в суете. Одни вечно хотят, как лучше, в то время как другие всё делают, как всегда. И все недовольны.

Корень проблемы — в противоположности мечты и плана. Подлинный мечтатель видит прежде всего картинку. Она красивая, цветная и удобная для разглядывания — то есть неподвижная. В крайнем случае внутри неё допустимы какие-нибудь плавные движения, вроде медленного танца. Завораживает, но как туда, в эту картинку попасть — непонятно.

Напротив, человек дела мыслит изменениями. Из того-то, если сделать то-то, получится вот это, а потом можно и туда-то. Но вот финальную точку он обычно не видит и не особо ею интересуется: сначала ввяжемся в драку, а там посмотрим.

Над снятием этого противоречия бились веками. По ходу было открыто много нового, в том числе новый литературный жанр. Да, это я о фантастике, точнее — о той её разновидности, которая называется «сайенс-фикшн».

Вообще-то SF появилась как поджанр в рамках классического европейского реализма. Который возник, в свою очередь, не как унылое описание текущей реальности, но как способ описания так называемых открытий, прежде всего географических и социальных. Описание какой-нибудь африканской колонии — это реализм, интересный именно тем, что необычайная, противоречащая привычному здравому смыслу картинка оказывается ещё и настоящей, в неё при желании можно попасть, купив билет на пароход. Столь же необычным и одновременно реальным были описания «лондонского дна». И наконец, очень интересные картинки возникали при приложении к обществу научных открытий и изобретений.

Жюль Верн первым додумался прилагать к картинке реального мира реальную же науку. Фантастический элемент состоял именно в приложении. Берётся, скажем, электричество — уже открытое — и внедряется повсеместно. Или, скажем, самолёт — то, что аппараты тяжелее воздуха могут летать, уже доказано, осталось их построить, но это неизбежно, а пока можно прикинуть, как это будет выглядеть.

Интерес в этой игре такой: сделал как можно меньше ходов и допустив как можно меньше натяжек, получить интересную картинку на выходе. Тронешь привычный мир в одном месте — и он превращается во что-нибудь странное. У того же Жюль Верна это несколько раз получилось красиво, любо-дорого посмотреть.

Дальше произошло интересное. На базе жюльверновского рецепта возникла SF второго уровня. Назовём её «уэллсовской», по имени самого известного производителя. Разница в том, что предметом фантазирования становится сама наука: фантастическое предположение делается внутри неё, берутся не реальные открытия, а выдуманные, зато очень похожие на реальные. Типа «теплого луча» или «нового химического элемента». Или той же «машины времени», в которой главное — что она машина и изготовлена в лаборатории.

Тут важно что. «На самом деле» описанное автором открытие или изобретение сделать нельзя — оно вводится именно как «представление». Но оно очень похоже на то, которое сделать можно и даже не раз делалось. Поэтому иллюзия достижимости сохраняется.

А вот теперь мы можем ответить на один неприятный вопрос. А именно: почему сейчас научная фантастика переживает кризис, выхода из которого не видно? Дело не в том, что людям надоела наука и они поспешили укрыться с головой в миры эльфов и драконов, но в оскудении арсенала возможных ходов, переносащих нас из «отсюда» «туда» без нарушения приличий.

Во времена Уэллса можно было преспокойно писать о том, как учёные нашли новый химический элемент с необычайными свойствами. Ну типа он невесом, светится и омолаживает организм. Возможно? Да, вполне — по представлениям того времени. А сейчас мы знаем про химические элементы почти всё, и никаких особых сюрпризов от них ждать не приходится. И что среди них есть те, которые светятся, — вот только вреда от них больше, чем пользы.

То же самое коснулось и всех остальных ходов того же рода. Например, специальная и общая теории относительности закрыли от нас звёзды — теперь мы знаем, что до них не долететь. Изучение ближайших планет наглядно продемонстрировало их необитаемость и неинтересность. А в 60-е ещё можно было фантазировать о древней марсианской цивилизации, подумать только.

Последние тридцать лет сайенс-фикшн, особенно который про космос, жил за счёт всего нескольких «уэллсовских» предположений. Главным из которых стоит считать, пожалуй, идею мгновенного преодоления пространства — какие-нибудь там «гиперпереходы». Но в них уже устали верить. Как и в жизнь на других планетах — до всех как-то потихоньку доходит, что там ничего нет, космос пуст и скучен.

Последнее, что было сделано в сайенс-фикшн, — киберпанк. Просто потому, что сети и компьютеры ещё остаются чем-то загадочным по возможностям, но уже понятным по сути. О них ещё можно сочинять сказки, похожие на правду. Хотя — всё меньше и меньше.

А без этого самого ощущения достижимости иного мира фантастика перестаёт быть научной и становится откровенным фантазёрством. Какое-то тоже находил спрос, но разница очень заметна.

Осталась одна надежда — на нанотехнологии.

Хотя это как-то мелко.